
ПСИХОТЕРАПИЯ И ПСИХОКОРРЕКЦИЯ
PSYCHOTHERAPY AND PSYCHOLOGICAL REMEDIATION

К проблеме психологического понимания и исследования символа в психотерапии

В.И. Цыбуля*

Центр экстренной психологической помощи МЧС России, Москва, Россия
cibulya@gmail.com

Существующие в психотерапии подходы к пониманию символа ограничены концептуальными рамками определенных школ и не позволяют обосновать его общепсихологическое значение в контексте целей и задач психотерапевтической практики. Предполагается, что культурно-историческая психология является продуктивным методологическим основанием для исследования символа в психотерапии, так как ее основные положения позволяют осмыслить механизм «работы» символа как психологического средства в системе отношений терапевта и клиента. Характеризуется подход к психологическому исследованию и пониманию символа, который включает соотносящиеся друг с другом общефилософский, психологический и психотехнический уровни. Этот подход позволяет рассматривать символ как средство смыслового преобразования сознания, а терапевтические техники применения символов — как способы фасилитации динамики смысловых процессов. В результате интериоризации способа действия с символом клиент формирует внутренние способы самостоятельного порождения смыслов, благодаря которым изменяется его отношение к проблемной ситуации и жизни в целом.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, психотерапия, символ, смысл, сознание.

Символ как феномен и психологическое средство прямо или косвенно представлен в практике почти всех основных направлений психотерапии [2; 4; 24; 28; 29; 30; 35; 37; 39; 40; 45]. Сложность заключается в том, что в разных школах существует множество несовпадающих друг с другом подходов к пониманию того, что такое «символ», поэтому психотерапевты, используя один и тот же термин, часто говорят о противоположных явлениях. К примеру, в ряде работ З. Фрейда символ рассматривается как универсальный образ сновидения, которому соответствует постоянное значение [39; 40]; Ф. Пёрлз, говоря о символах, подразумевал «метки для объектов и процессов», которые воспроизводят реальность в уменьшенном масштабе [30; с. 175]; по А. Минделлу, символом мо-

жет быть любое чувственно осязаемое явление, в котором творчески реализуется и раскрывается область глубинного, единого и невыразимого опыта, дающего начало любому дискретному опыту [28]. В первом случае представление о символе неразрывно связано с предположением скрытого бессознательного измерения психики, символ выражает *постоянное соотношение* между чувственно осязаемым явлением, которое представлено в сознании, и его бессознательным значением; во втором примере понимание специфики символа детерминировано представлением о способности психики к прямому отражению реальности, поэтому символ — это своего рода *уменьшенная копия* реальных объектов; в последнем примере определение символа также содержит имплицитное пред-

Для цитаты:

Цыбуля В.И. К проблеме психологического понимания и исследования символа в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 114–122.

* Цыбуля Вера Ивановна, психолог, Центр экстренной психологической помощи МЧС России, Москва, Россия, *cibulya@gmail.com*

положение об ином, скрытом измерении психики, однако соотношение между осознаваемым, чувственно осязаемым явлением и бессознательным смыслом постоянно преобразуется, форма символа, так же как и его смысл, способны трансформироваться и развиваться, как живое существо.

Существующие в психотерапии определения символов, а также приемы и методы работы с ними детерминированы теориями и концепциями школ, внутри которых они возникли. Однако, оставаясь только на уровне понимания сущности символа в той или иной школе, невозможно составить целостное психологическое представление о символе как явлении и средстве психотерапии. С нашей точки зрения, проблема психологического исследования символа в психотерапии может быть решена только с позиции исследователя, независимого от той или иной психотерапевтической школы, изучающего символические феномены и средства психотерапии сквозь призму определенного теоретико-методологического подхода, включающего соответствующие друг другу общефилософский, психологический и психотехнический уровни. В связи с этим возникают вопросы: во-первых, какой могла бы быть методологическая позиция по отношению к исследованию символа в психотерапии, во-вторых, какое представление о символе выбрать в качестве теоретического основания исследования (иными словами, на какое содержательное представление о символе опираться). Цель настоящей статьи — попытаться ответить на поставленные вопросы и охарактеризовать уровни возможного теоретико-методологического подхода к психологическому пониманию и исследованию символа в психотерапии. Важно подчеркнуть, что мы не предлагаем новый подход к пониманию и исследованию символа, новизна заключается в попытке охарактеризовать целостную теоретико-методологическую позицию по отношению к научному пониманию и исследованию символа как психологического средства в контексте целей и задач психотерапевтической практики. В этой статье представлена попытка синтезировать существующие подходы в философии и психологии для понимания сущности символа как средства психотерапии.

Описанные в самом начале статьи примеры психотерапевтических представлений о символе показывают, что, как правило, психотерапевты рассматривают символ как психическое явление или как продукт определенных психических процессов. Нам видится продуктивным исследование символа с точки зрения культурно-исторического подхода, представленного в работах Л.С. Выготского [18], поэтому мы рассматриваем символ, прежде всего, как *психологическое средство*, которое в контексте психотерапии используется для достижения определенных терапевтических целей. Необходимо подчеркнуть, что, опираясь на идеи и принципы культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, мы не отрицаем возможность и продуктивность иных, сформировавшихся внутри тех или иных школ психотерапии способов

понимания и обоснования символических средств. В контексте настоящего исследования выбор культурно-исторического подхода связан с предположением, что именно данный подход позволяет, во-первых, понять, почему и как происходят продуктивные психологические изменения в ходе терапевтического применения символов, во-вторых, осмыслить общепсихологическую роль символических средств, используемых в психотерапевтической практике.

Перспективы использования культурно-исторической теории Л.С. Выготского для осмысления и/или организации психотерапевтической практики обсуждались в публикациях А.Л. Венгера [13], Е.Е. Кравцовой [22], А.Б. Холмогоровой и В.К. Зарецкого [42], L. Holzman и F. Newman [47]; M. Quintino-Aires [48]. По мнению А.Л. Венгера, «...культурно-историческая психология, во-первых, *должна* давать обоснование психотерапевтическим методам, поскольку она с полным основанием претендует на статус общепсихологической концепции. Во-вторых, она вполне *может* справиться с этой задачей, так как располагает необходимым теоретическим инструментарием и исследовательскими методами» [12, с. 33]. Автор предполагает, что анализ психотерапевтических техник с позиции культурно-исторического подхода «должен отвечать на следующие вопросы:

- Каковы основные психологические средства, предлагаемые клиенту данной системой психотерапии, каковы формируемые у него способы использования этих средств?
- Как строится социальное отношение между клиентом и терапевтом, насколько эффективно достигается интериоризация средств, их «присвоение» клиентом?
- В какой мере обеспечивается произвольность и самостоятельность клиента в управлении своим психическим состоянием и своей деятельностью?» [12, с. 34].

Опираясь на культурно-исторический подход, мы считаем возможным рассматривать психотерапию под определенным углом зрения — как *совместную деятельность* терапевта и клиента, направленную на оказание психологической помощи, в ходе которой с использованием определенных методов и средств актуализируются продуктивные психические процессы, приводящие к качественному, содержательному изменению сознания клиента. В ходе особым образом организованного *взаимодействия* с терапевтом клиент овладевает *способами действия* с предлагаемыми психологическими средствами. В результате *интериоризации терапевтических отношений и способа действия со средством* формируется внутреннее средство или психическое новообразование (новые функциональные органы), которые реорганизуют весь психологический мир клиента.

Культурно-исторический подход задает определенные требования к психологическому исследованию специфики применения символа в той или иной школе психотерапии, в соответствии с которыми роль символа как психологического средства необходимо изучать: 1) внутри особой системы отноше-

ний терапевта и клиента; 2) учитывая способ овладения средством (технику); 3) анализируя динамику проблемы, с которой обратился клиент за психологической помощью (Как преобразуется проблема в ходе терапевтического применения символа? Как организуется ее «видение», осмысление? Как символизируется проблема?); 4) характеризуя внутренние средства и психические новообразования, которые формируются в ходе терапевтического использования символа в той или иной школе психотерапии.

Несмотря на то, что Л.С. Выготский часто использовал в своих публикациях термины «символ» и «символическая деятельность», в его работах не было сформулировано содержательное теоретическое представление о символе как особом психологическом средстве. Долгое время проблема различий между символом и знаком в отечественной психологии оставалась вне исследовательского интереса. С 90-х гг. XX в. стали появляться психологические исследования, в которых обосновывается специфика символа [6; 7; 15; 20], изучается роль символического опосредствования в развитии психических функций и личностном развитии в целом [9; 14; 15; 31; 34; 43; 46]. Вместе с тем значение символических средств в психотерапевтической практике все еще является недостаточно осмысленным с научно-психологической точки зрения [16; 44]. В этой статье мы хотели бы провести анализ того, как существующие в современной психологии представления о символе могут преломляться на *психотехническом* уровне — в контексте целей и задач психотерапии. Ниже представлена попытка охарактеризовать возможную теоретико-методологическую позицию по отношению к символу в психотерапии, синтезирующую философский, психологический и психотехнический уровни понимания символа.

В основе **философского уровня** рассматриваемого теоретико-методологического подхода лежат представления П.А. Флоренского [38], А.Ф. Лосева [26], М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского [27]. С нашей точки зрения, именно эти авторы наиболее глубоко раскрывают сущность *символа как культурного средства*. Несмотря на разность представлений, они пытались понять сущность символа в его неразрывной связи с сознанием. В широком смысле, символы рассматриваются этими философами как своего рода «ориентиры» сознания или средства «настройки» сознания на «видение», переживание и понимание смыслового измерения бытия. Опираясь на указанные подходы, философскую сущность символа как особого культурного средства можно охарактеризовать с помощью следующих положений.

¹ Слово «вещь» применительно к определению и характеристике символа мы используем вслед за М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским, которые определяли символ как «такую странную Вещь, которая одним своим концом «выступает» в мире вещей, а другим — «утопает» в действительности сознания» [27, с. 20]. Слово «вещь» мы используем в широком смысле, подразумевая все, что имеет чувственно воспринимаемую или мысленно представляемую форму, иными словами, все, что можно чувственно осязать или мысленно представлять в форме образов. Поэтому «вещь» здесь выполняет функцию переменной, которая может принимать разные формы (слово, предмет, человек, образ, действие, событие и т.д.).

² В данной работе мы рассматриваем только те психологические исследования, которые, с нашей точки зрения, в большей мере позволяют раскрыть роль символа как психологического средства в психотерапии.

1. Символ — это чувственно осязаемая «вещь»¹, которая раскрывает в сознании объективную смысловую сущность определенных явлений или экзистенциальных ситуаций и порождает «духовное видение», благодаря которому духовная реальность становится доступной чувственному опыту [38].

2. Символом могут быть как культурные средства (произведения искусства, слово, ритуалы и др.), так и некоторые жизненные события или чувственно осязаемые феномены, которые «настраивают» сознание на «видение» или переживание объективного смыслового измерения действительности [38]. Важно отметить, что символом могут быть только те явления или жизненные события, которые вызывают сильные переживания, индуцируя такие состояния сознания, в которых открывается или порождается переживание «иного» — смыслового уровня бытия.

3. Символ порождает в сознании и мышлении не данную прямо и непосредственно, но *предполагаемую* идеальную действительность, задающую смысловую модель, конструктивный принцип, упорядочивающий и вносящий смысловую закономерность во все частные проявления эмпирической действительности [26].

4. Символ обеспечивает возможность нового сознательного опыта, т.е. порождения такого состояния сознания, в котором становится возможным опыт понимания смысла определенного ритуала, явления или события. Этот процесс М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский называли «вхождением» в структурные содержательности сознания [27, с. 158], которое на психологическом уровне осуществляется как работа переживания, качественно меняющая протекание психических процессов и в целом реорганизуемая психологический мир человека.

Идеи П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского позволяют рассматривать символ как культурное средство, благодаря которому объективные духовные смыслы через переживание становятся опытом индивидуального бытия личности (смыслами для меня), превращаются в смысловые структуры сознания отдельного индивида.

Психологический уровень анализируемого теоретико-методологического подхода составляют представления о символе, развиваемые в отечественной психологии² [9; 13; 14; 15; 32; 34; 46], так как понимание символа в западной психологии (Р. Арнхейм, Р. Блумер, Дж. Мид, Ж. Пиаже, М.Н. Bornstein, Т.С. Callaghan, J.S. DeLoache, V. Lowerfeld и др.) противоречат рассмотренным выше философским основаниям.

В российской психологии до 90-х гг. XX в. проблема символа как особого культурного средства не исследу-

довалась в полной мере. Определенные аспекты символа и символизации так или иначе затрагивались в контексте исследования игровой деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин), а также в контексте развития познавательных способностей (Л.А. Венгер, О.М. Дьяченко), однако в этот период развития российской психологии (до 90-х гг. XX в.) последовательное теоретическое обоснование существенных различий между символическими и знаковыми средствами не было проведено. В философских работах того времени последовательно проводилось различие между символом и знаком [26; 27], но в российской психологии, как правило, данные понятия использовались как синонимичные и взаимозаменяемые³, либо различия между ними не признавались существенными. Например, Н.Г. Салмина отмечает различие между символом и знаком, однако в контексте целей и задач своих исследований не считает эти различия значимыми [36].

В современных российских психологических исследованиях можно выделить два подхода к пониманию символа. Для первого подхода наиболее характерно рассмотрение символа как образа, который выражает личностный смысл и субъективное, пристрастное отношение к действительности. К этой группе можно отнести исследования О.М. Дьяченко и Н.Е. Вераксы [15], А.П. Афанасьевой [3], А.В. Цветкова [42], А.Н. Вераксы [13; 14; 46], Е.В. Воробьевой [17], Е.Л. Подзоровой [31], отчасти исследование средств опосредования переживаний, проведенное О.Г. Шалиной [44]. Эта традиция понимания символа складывалась под влиянием идей Л.С. Выготского, выраженных преимущественно в работах, посвященных анализу развития воображения и игровой деятельности [18], А.Н. Леонтьева — его деятельностной концепции строения сознания и строения знака как психологического орудия.

Второй подход характеризуется рассмотрением символа как образа или предмета, который обладает объективным духовным смыслом, независимым от актуальных личных предпочтений или отношений. К этой группе мы относим исследования Т.М. Буякас и О.Г. Зевинной [6; 7; 8; 9], А.М. Полякова [32; 33; 34]. Можно сказать, что символ представляет собой «Другого», транслирующего иные смысловые позиции, иные видения и понимания. В данном контексте определение «иные» характеризует противопоставление актуальному, наличному уровню психического развития, подразумевает смыслы, альтернативные наличным, ранее сформировавшимся личностным смыслам. На формирование представления о символических средствах в этой группе большое влияние оказали философские концепции символа П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского.

С точки зрения первого подхода, символическое опосредование позволяет ориентироваться в ситу-

ации неопределенности, которая характеризуется отсутствием известных значений, необходимых для успешного действия. Ситуация неопределенности преодолевается посредством построения символа, выражающего личностный смысл и эмоциональное отношение к ней [см. исследования А.Н. Вераксы: 13; 14; 46]. В широком понимании здесь мы имеем дело с субъектным «освоением» действительности, преодолением неизвестного и неопределенного за счет надления индивидуальными значениями (эмоциональными, фантазийными, вымышленными). Человек строит воплощающий личностные смыслы символ, позволяющий ему ориентироваться в неопределенной ситуации. Ориентация в пределах эмоционально насыщенной образной формы символа позволяет интерпретировать значение объективной ситуации [14]. Во втором подходе смысловое содержание символа само по себе представляет потенциальную неопределенность. Транслируемое символом «иное смысловое измерение» является своего рода вызовом для преодоления «себя», преодоления наличных способов «видения» и понимания, условием выхода в пространство диалога смысловых позиций (актуального личностного смысла и смыслов, потенциально задаваемых символом). Ситуация неопределенности (или неопределенности смыслового содержания символа) также вызывает субъектную активность, которая выражается не в том, чтобы преодолеть, «ассимилировать» неопределенность фантазийными предположениями и личностными смыслами, а в том, чтобы взаимодействовать с ней, «прислушаться» к этой неопределенности. Символ в этом случае также выполняет функцию ориентации в ситуации неопределенности, но иным образом: человек пытается «услышать», «открыть», почувствовать объективный смысл ситуации, воплощаемый символом.

Выделенные нами подходы к пониманию символа в современных отечественных психологических исследованиях также отличаются друг от друга по способам обоснования специфики символа как психологического средства и его отличий от знака. С точки зрения первого подхода, специфика символа заключается в том, что в структуре символа преобладает образная форма и личностный смысл, которые выходят на первый план. В то время как в знаке на первый план выходит общепринятое, конвенциональное значение. Символ, в отличие от знака, задает пространство смыслов и предназначен для решения задач «на смысл», т.е. выражение и выстраивание собственного отношения и личностной позиции. Знак же указывает на значения, нормы, правила и предназначен для решения задач на «значение», т.е. на выявление свойств реальности. С позиции второго подхода, отличие символа от знака заключается в том, что он не указывает на свойства действительности или на другие предметы, а является условием обнаружения и воплощения в личном бытии объективных, общечеловеческих смыс-

³ Например, эта тенденция прослеживается в работе Л.С. Выготского «Орудие и знак в развитии ребенка» [18, с. 828–892], в которой понятия знак и символ используются как синонимичные.

лов, поэтому символ в отличие от знака «беспредметен», так как указывает на смысловые структуры сознания. Важно уточнить, что символ не просто указывает на смысл, а является *условием* для порождения смысловых структур в индивидуальном сознании. Для этого недостаточно одного лишь указания на связь между чувственной формой символа и определенным смыслом, необходимо субъективное переживание, возникающее в ходе психотехнической работы с символом, в результате которого порождаются новые смысловые структуры, реорганизующие сознание и психологический мир человека.

Мы предполагаем, что оба психологических подхода к пониманию символа позволяют целостно понять сущность символа как психологического средства в психотерапии, которое можно рассматривать одновременно и как средство экспликации, чувственного воплощения личностных смыслов (первая традиция), и как средство порождения новых личностных смыслов (вторая традиция), новых смысловых структур сознания и самосознания.

Итак, *символ как психологическое средство является чувственно осязаемой «вещью», которая эксплицирует личностные смыслы и/или порождает новые личностные смыслы.* В этом определении важно акцентирование двух психологических функций символа: 1) экспликация и чувственное воплощение личностных смыслов; 2) порождение качественно новых личностных смыслов, новых смысловых структур сознания и самосознания.

Отметим наиболее существенные свойства символа, которые позволяют рассматривать его как специфическое психологическое средство.

1. Чувственная форма символа является «проводником» к потенциально заданному смысловому содержанию. Благодаря чувственной форме смысловое содержание символа потенциально доступно для «психической проработки» и для порождения нового сознательного опыта. «Психическая проработка» смыслового содержания символа осуществляется как работа переживания (деятельность смыслопорождения [10]), инициируемая психотехнической работой с символом.

2. Смысловое содержание символа многоаспектно, бесконечно и представляет собой пространство иных смысловых позиций или «голосов». Это является условием становления диалогического сознания.

3. Символическая форма всегда указывает на «иное», таинственное, скрытое, что позволяет осуществить переход от эмпирически данного, известного, внешнего, очевидного содержания к внутреннему, потенциальному, тому, что представляет «тайну» психической жизни.

Психотехнический уровень характеризуемого теоретико-методологического подхода тесно связан с рассмотренными выше уровнями. На этом уровне философские и психологические представления о символе преломляются в контексте психологической практики, в частности, в контексте методов и техник психотерапии. По мнению Н.Е. Вераксы и

О.М. Дьяченко, одно из функциональных различий между знаком и символом заключается в том, что знаки направлены на решение *задач на значение, в то время как символы являются средством решения задач на смысл* [15]. Мы разделяем такое понимание функциональной специфики символа и считаем обоснованным рассматривать символы в психотерапевтическом процессе как *средства решения терапевтических «задач на смысл»*. Предметом осмысления в терапевтическом процессе является психологическая проблема клиента, поэтому одна из самых важных «задач на смысл» в психотерапевтической практике — это задача на порождение, изменение, осознание смысла проблемы. Опираясь на сформулированные выше свойства символа как психологического средства, мы предполагаем, что терапевтическое применение символов актуализирует динамику смысловых процессов, приводящих к формированию новых смысловых связей и структур сознания, позволяющих решить или преодолеть проблему клиента. Продуктивность смысловых процессов, актуализированных терапевтическим применением символов, определяется тем, в какой мере обеспечивается возможность преодолеть или разрешить проблему, являющуюся предметом взаимодействия терапевта и клиента. Мы предполагаем, что сформировавшиеся в истории психотерапии способы терапевтического применения символов представляют собой различные стратегии осознания или порождения смыслов, позволяющих преодолеть уровень актуальных смыслов и значений, с помощью которых клиент пытался осмыслить и решить испытываемую проблему до обращения к психотерапевту, и выйти в задаваемое символом пространство альтернативных смыслов, расширяющих или преобразующих понимание и видение проблемы клиента и его психологического мира в целом. Таким образом, техники терапевтического применения символов можно рассматривать как *психотехнические способы фасилитации процессов смысловой динамики или способы направленного воздействия на них (в случае директивных школ психотерапии)* [25].

Заключение

В этой статье мы хотели предложить свой ответ на вопрос о том, как понимать и исследовать символ в психотерапии.

Мы предполагаем, что культурно-исторический подход является продуктивным методологическим основанием для исследования символа в психотерапии, так как, во-первых, с его позиции возможно рассматривать символ как психологическое средство, во-вторых, основные положения культурно-исторического подхода позволяют осмыслить механизм «работы» символа как психологического средства в системе отношений терапевта и клиента.

Однако использование культурно-исторического подхода без дальнейшей содержательной разработки

особенностей и свойств символа недостаточно, так как долгое время в этом подходе символ не рассматривался как особое психологическое средство. Исследования, в которых символ анализируется как самостоятельное психологическое средство, отличное от знака, стали проводиться только в 90-е гг. XX в. Почти во всех этих исследованиях символ изучается преимущественно в контексте проблем развития познавательных функций и ценностно-смысловой сферы личности. На сегодняшний день значение символа в психотерапевтической практике остается недостаточно осмысленным с позиции научной психологии. В нашей статье мы попытались представить возмож-

ный теоретико-методологический подход к пониманию символа в психотерапии, синтезирующий философские и психологические концепции. Опираясь на выбранные теоретико-методологические основания, мы рассматриваем символ как средство смыслового преобразования сознания. Мы предполагаем, что в контексте психотерапии применение символов выступает способом фасилитации динамики смысловых процессов. В результате интериоризации, «присваивания» способа действия с символом клиент формирует внутренние способы самостоятельного порождения смыслов, благодаря которым изменяется его отношение к проблемной ситуации и жизни в целом.

Литература

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии: пер. с англ. М.: Академический Проект, 2007. 240 с.
2. Ассаджоли Р. Психосинтез. Принципы и техники: пер. с англ. М.: Психотерапия, 2008. 384 с.
3. Афанасьева А.П. Символ как средство диагностики ценностно-смысловой сферы личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2002. 149 с.
4. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире: пер. с нем. М.: «КСП+»; СПб.: «Ювента», 1999. 300 с.
5. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 220 с.
6. Буякас Т.М., Зевина О.Г. Внутренняя активность субъекта в процессе амплификации индивидуального сознания // Вопросы психологии. 1999. №5. С. 50–61.
7. Буякас Т.М., Зевина О.Г. Опыт утверждения общечеловеческих ценностей — культурных символов — в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. №5. С. 44–56.
8. Буякас Т.М. Инициальный путь развития личности: возможности психологической работы // Вопросы психологии. 2003. №5. С. 68–79.
9. Буякас Т.М. Личностное развитие в условиях работы самопонимания, опосредованной символами // Вопросы психологии. 2000. №1. С. 96–108.
10. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского университета, 1984. 330 с.
11. Василюк Ф.Е. Модель хронотопа психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2009. №4. С. 26–50.
12. Венгер А.Л. Культуральный подход в психотерапии // Культурно-историческая психология. 2006. №1. С. 32–39.
13. Веракса А.Н., Горовая А.Е., Кисель А.В. Возможности использования знаковых и символических средств в обучении дошкольников (на примере освоения феномена радуги) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2014. №2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n2/69248.shtml (дата обращения: 24.08.2014).
14. Веракса А.Н. Особенности символического опосредствования в познавательной деятельности младших школьников: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 164 с.
15. Веракса Н.Е., Дьяченко О.М. Способы регуляции поведения у детей дошкольного возраста // Вопросы психологии. 1996. №3. С. 14–26.
16. Волкова Д.Э., Орлов А.Б., Орлова Н.А. Знак, метафора, символ — методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. №3. С. 89–119.
17. Воробьева Е.В. Особенности символических представлений младших школьников об одноклассниках. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 24 с.
18. Выготский Л.С. Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1008 с.
19. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Лабиринт, 2010. 352 с.
20. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
21. Копьев А.Ф. О прототипах психотерапевтического опыта // Гуманитарные исследования в психотерапии. М.: МГППУ, ПИ РАО, 2007. С. 146–156.
22. Крайцова Е.Е. Психотерапия с позиций культурно-исторического подхода // Вестник РГГУ. 2008. №3. Серия «Психология». С. 15–32.
23. Кулагина Н.В. Символ и символическое сознание // Культурно-историческая психология. 2006. №1. С. 3–10.
24. Лейнер Х. Кататимное переживание образов: пер. с нем. М.: Эйдос, 1996. 253 с.
25. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
26. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 376 с.
27. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 599 с.
28. Минделл А. Ученик создателя сновидений: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 204 с.
29. Мэй Р. Мужество творить: пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 160 с.
30. Перлз Ф. Практика гештальт-терапии: пер. с англ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2005. 408 с.
31. Подзорова Е.Л. Эмоциональное предвосхищение результатов решения познавательных задач в дошкольном возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 193 с.
32. Поляков А.М. Символ как условие продуктивного действия // Вопросы психологии. 2006. №1. С. 63–72.
33. Поляков А.М. Символическая функция сознания как основа развития субъектности (Начало) // Философия и социальные науки. 2007. № 4. С. 61–69.
34. Поляков А.М. Символическая функция сознания как основа развития субъектности (Продолжение) // Философия и социальные науки. 2008. №1. С. 76–80.

35. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы: пер. с англ. М.: Психотерапия, 2008. 512 с.

36. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.: Издательство МГУ, 1988. 288 с.

37. Стюарт В. Работа с образами и символами в психологическом консультировании: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2005. 384 с.

38. Флоренский П. Имена: Сочинения. М.: Эксмо, 2006. 896 с.

39. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ: пер. с нем. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 608 с.

40. Фрейд З. Толкование сновидений: пер. с нем. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 480 с.

41. Холмогорова А.Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М.: Медпрактика, 2011. 480 с.

42. Холмогорова А.Б., Зарецкий В.К. Может ли быть полезна российская психология в решении актуальных проблем современной психотерапии: размышления после XX конгресса интернациональной федерации психотерапии (IFP) [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2010. №4(5). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer09.php (дата обращения: 20.08.2014)

43. Цветков А.В. Роль символа в развитии произвольной регуляции поведения личности в школьном возрасте: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 157 с.

44. Шалина О.С. Символическое опосредствование психических процессов в критических ситуациях. Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. М., 2010. 27 с.

45. Юнг К. Символическая жизнь: пер. с англ. М.: «Когито-Центр», 2003. 326 с.

46. Veraksa A.N. Symbol as cognitive tool of mental activity // Psychology in Russia: State of Art. 2013. №6. P.57–65.

47. Holzman L., Newman F. Activity and Performance (and their discourses) in social therapeutic methods [Электронный ресурс] // Discursive perspective in therapeutic practice. Oxford University Press, 2012. URL: <http://loisholzman.org/wp-content/uploads/2010/10/Activity-and-Performance.pdf> (дата обращения: 20.08.2014).

48. Quintino-Aires J. The way to inner freedom: sign as a psychological tool in psychotherapy // Знак как психологическое средство: субъективная реальность культуры: Материалы XII Международных чтений памяти Л.С. Выготского (Москва, 14–17 ноября 2011 г.). М.: Издательский центр РГГУ, 2011. С. 65–66.

On the Problem of Psychological Interpretation and Exploration of Symbol in Psychotherapy

V.I. Tsybulya*

Center for Emergency Psychological Aid at the Ministry of Emergency Situations, Moscow, Russia
cibulya@gmail.com

All existing psychotherapeutical approaches to the understanding of symbol are limited by the conceptual frames of particular schools of thought and thus cannot provide the grounds for a universal psychological interpretation of symbol in the context of aims and tasks of the psychotherapeutic practice. The article suggests that cultural-historical psychology may act as a promising methodological foundation for the exploration of symbol in psychotherapy since it provides the opportunity to understand the 'work' of symbol as a psychological means in the client/therapist relationship. The paper describes an approach to the scientific psychological investigation and understanding of symbol that interlocks the general philosophical, psychological and psychotechnical levels. This approach enables one to consider symbol as a means of meaning-related transformation of consciousness and to regard therapeutical techniques that employ symbols as means of facilitating the dynamics of meaning processes. Through interiorization of the means of using a symbol the client creates his/her own inner methods of generating meanings that help change his/her attitude to a difficult situation or life on the whole.

Keywords: cultural-historical approach, psychotherapy, symbol, meaning, consciousness.

References

1. Adler A. Praktika i teoriya individual'noi psikhologii [Practice and theory of individual psychology]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2007. 240 p.

2. Assadzhioli R. Psikhosintez. Printsipy i tekhniki [Psychosynthesis. Principals and techniques]. Moscow: Psikhoterapiya, 2008. 384 p.

3. Afanas'eva A.P. Simvol kak sredstvo diagnostiki tsenostno-smyslovoi sfery lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk.

For citation:

Tsybulya V.I. On the Problem of Psychological Interpretation and Exploration of Symbol in Psychotherapy. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 3, pp. 114–122. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Tsybulya Vera Ivanovna, Psychologist, Center for Emergency Psychological Aid at the Ministry of Emergency Situations, Moscow, Russia, cibulya@gmail.com

[Symbol as means of diagnostic of personal sphere of values and senses. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2002. 149 p.

4. Binsvanger L. Bytie-v-mire [Being in the world]. Moscow: "KSP+", St-Petersburg: "Yuventa", 1999. 300 p.

5. Bochaver A.A. Metafora kak sposob vnutrennei reprezentatsii zhiznennogo puti lichnosti. Diss. kand. psikholog. nauk. [Metaphor as a way of internal representation of the individual life path. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2010. 220 p.

6. Buyakas T.M., Zevina O.G. Vnutrennyaya aktivnost' sub"ekta v protsesse amplifikatsii individual'nogo soznaniya [Internal activity of subject in the process of amplification of individual consciousness]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1999, no. 5, pp. 50–61.

7. Buyakas T.M., Zevina O.G. Opyt utverzhdeniya obshchechelovecheskikh tsennostei – kul'turnykh simvolov – v individual'nom soznanii [Experience of affirmation of universal human values – cultural symbols – in individual consciousness]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 1997, no. 5, pp. 44–56.

8. Buyakas T.M. Initsial'nyi put' razvitiya lichnosti: vozmozhnosti psikhologicheskoi raboty [Initial way of personal development: opportunities of psychological work]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2003, no. 5, pp. 68–79.

9. Buyakas T.M. Lichnostnoe razvitie v usloviyakh raboty samoponimaniya, oposredovannoi simvolami [Personal development in the process of self-understanding activity mediated by symbols]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2000, no. 1, pp. 96–108.

10. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya: Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii [Psychology of intensive experience: Analysis of overcoming critical situations]. Moscow: Publ. Moskovskogo universiteta, 1984. 330 p.

11. Vasilyuk F.E. Model' khronotopa psikhoterapii [Chronotope model of psychotherapy]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 2009, no. 4, pp. 26–50.

12. Venger A.L. Kul'tural'nyi podkhod v psikhoterapii [Cultural approach to psychotherapy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2006, no. 1, pp. 32–39 (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Veraksa A.N., Gorovaya A.E., Kisel' A.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya znakovykh i simvolicheskikh sredstv v obuchenii doshkol'nikov (na primere osvoeniya fenomena radugi) [Elektronnyi resurs] [Opportunities of using signs and symbols in preschool education (by the example of learning the phenomenon of rainbow)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2014, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2014/n2/69248.shtml (Accessed 24.08.2014). (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Veraksa A.N. Osobennosti simvolicheskogo oposredstvovaniya v poznavatel'noi deyatel'nosti mladshikh shkol'nikov. Diss. kand. psikholog. nauk [Peculiarities of symbolic mediation in learning activity of junior school students. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2008. 164 p.

15. Veraksa N.E., D'yachenko O.M. Sposoby regulyatsii povedeniya u detei doshkol'nogo vozrasta [Ways of regulation of behavior and preschoolers]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1996, no. 3, pp. 14–26.

16. Volkova D.E., Orlov A.B., Orlova N.A. Znak, metafora, simvol – metodologiya sub"ektnosti [Sign, metaphor, symbol – methodology of subjectivity]. *Zhurn. "Psikhologiya" Vysshei Shkoly Ekonomik* [Journal "Psychology", by Higher School of Economics], 2010, no. 3, pp. 89–119.

17. Vorob'eva E.V. Osobennosti simvolicheskikh predstavlenii mladshikh shkol'nikov ob odnoklassnikakh. Avtoref.

diss. kand. psikholog. nauk [Peculiarities of junior school students' symbolic representation of classmates. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2010. 24 p.

18. Vygotskii L.S. Psikhologiya [Psychology]. Moscow: Publ. EKSMO-Press, 2000. 1008 p.

19. Vygotskii L.S. Psikhologiya iskusstva [Psychology of Art]. Moscow: Labirint, 2010. 352 p.

20. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. Chelovek razvivayushchisya. Ocherki rossiiskoi psikhologii [Developing People. Essay on Russian Psychology]. Moscow: Trivola, 1994. 304 p.

21. Kop'ev A.F. O prototipakh psikhoterapevticheskogo opyta [About prototypes of psychotherapeutic experience]. *Gumanitarnye issledovaniya v psikhoterapii* [Humanitarian Research in Psychotherapy]. Moscow: MGPPU, PI RAO, 2007. pp. 146–156.

22. Kravtsova E.E. Psikhoterapiya s pozitsii kul'turno-istoricheskogo podkhoda [Psychotherapy from the point of cultural-historical approach]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the RSUH], 2008. Vol. Psikhologiya, no. 3, pp. 15–32.

23. Kulagina N.V. Simvol i simvolicheskoe soznanie [Symbol and symbolic consciousness]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2006, no. 1, pp. 3–10 (In Russ., abstr. in Engl.).

24. Leiner Kh. Katatimnoe perezhivanie obrazov [Katathymic Affective Experience of Imagery]. Moscow: Eidos, 1996. 253 p.

25. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamic of the Semantic Reality]. Moscow: Smysl, 2003. 487 p.

26. Losev A.F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo [The Problem of Symbol and Realistic Art]. Moscow: Iskusstvo, 1976. 376 p.

27. Mamardashvili M.K., Pyatigorskii A.M. Simvol i soznanie [Symbol and Mind]. Moscow: Progress-Traditsiya, Fond Meraba Mamardashvili, 2009. 599 p.

28. Mindell A. Uchenik sozdatel'no snovidenii [Dreammaker's Apprentice]. Moscow: OOO "Publ. AST", 2003. 204 p.

29. Mei R. Muzhestvo tvorit' [The Courage to Create]. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2008. 160 p.

30. Perlz F. Praktika geshtal't-terapii [Practice of Gestalt Therapy]. Moscow: Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy, 2005. 408 p.

31. Podzorova E.L. Emotsional'noe predvoskhishchenie rezul'tatov resheniya poznavatel'nykh zadach v doshkol'nom vozraste. Avtoref. dis. kand. psikholog. nauk [Emotional anticipating the results of solving learning tasks in preschool age. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 25 p.

32. Polyakov A.M. Simvol kak uslovie produktivnogo deistviya [Symbol as a condition of creative act]. *Voprosy psikhologii* [Question of Psychology], 2006, no. 1, pp. 63–72.

33. Polyakov A.M. Simvolicheskaya funktsiya soznaniya kak osnova razvitiya sub"ektnosti (Nachalo) [Symbolic function of consciousness as base for development of subjectivity]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 2007, no. 4, pp. 61–69.

34. Polyakov A.M. Simvolicheskaya funktsiya soznaniya kak osnova razvitiya sub"ektnosti (Prodolzhenie) [Symbolic function of consciousness as base for development of subjectivity]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki* [Philosophy and social sciences], 2008, no.1, pp. 76–80.

35. Rodzhers K. Konsul'tirovanie i psikhoterapiya: Noveishie podkhody v oblasti prakticheskoi raboty [Counselling and Psychotherapy: New Approach in the Field of Practical Work]. Moscow: Psikhoterapiya, 2008. 512 p.

36. Salmina N.G. Znak i simvol v obuchenii [Sign and Symbol in Learning]. Moscow: Publ.MGU, 1988. 288 p.

37. Styuart V. Rabota s obrazami i simbolami v psikhologicheskom konsul'tirovanii [Using imagery and symbolism in psychological counselling]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2005. 384 p.
38. Florenskii P. Imena: Sochineniya [Names: Collected Works]. Moscow: Eksmo, 2006. 896 p.
39. Freid Z. Lektsii po vvedeniyu v psikhoanaliz [Introductory Lectures on Psychoanalysis]. Moscow: OOO "Firma STD", 2006. 608 p.
40. Freid Z. Tolkovanie snovidenii [The Interpretation of Dreams]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, 2005. 480 p.
41. Kholmogorova A.B. Integrativnaya psikhoterapiya rasstroistv affektivnogo spectra [Integrative psychotherapy of mood disorders]. Moscow: Medpraktika, 2011. 480 p.
42. Kholmogorova A.B., Zaretskii V.K. Mozhet li byt' polezna rossiiskaya psikhologiya v reshenii aktual'nykh problem sovremennoi psikhoterapii: razmyshleniya posle Dvadtzhatogo kongressa internatsional'noi federatsii psikhoterapii (IFP) [Elektronnyi resurs] [Can Russian psychology be helpful in solving actual problems of modern psychotherapy: reflection after the Twentieth Congress of International Federation of Psychotherapy]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical psychology in Russia], 2010. Vol. 4, no. 5. Available at: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer09.php (Accessed 20.08.2014). (In Russ., abstr. in Engl.).
43. Tsvetkov A.V. Rol' simvola v razvitii proizvol'noi regulyatsii povedeniya lichnosti v shkol'nom vozraste. Diss. kand. psikhol. nauk [The role of symbol in development of voluntary regulation of individual behavior at school age. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2006. 157 p.
44. Shalina O.S. Simvolicheskoe oposredstvovanie perezhivaniy lichnosti v kriticheskikh situatsiyakh. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Symbolic mediation of individual affective experience in critical situations. Ph. D. (Psychology) Thesis.]. Moscow, 2010. 27 p.
45. Yung K. Simvolicheskaya zhizn' [The Symbolic life]. Moscow: "Kogito-Tsentr", 2003. 326 p.
46. Veraksa A.N. Symbol as cognitive tool of mental activity. *Psychology in Russia: State of Art*, 2013. no.6, pp.57–65.
47. Holzman L., Newman F. Activity and Performance (and their discourses) in social therapeutic methods [Elektronnyi resurs]. In *Discursive perspective in therapeutic practice*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Available at: <http://loisholzman.org/wp-content/uploads/2010/10/Activity-and-Performance.pdf> (Accessed: 20.08.2014).
48. Quintino-Aires J. The way to inner freedom: sign as a psychological tool in psychotherapy. Materialy Dvenadtsatogo Mezhdunarodnykh chtenii pamyati L.S. Vygotskogo "Znak kak psikhologicheskoe sredstvo: sub"ektivnaya real'nost' kul'tury". (g. Moscow, 14–17 noyabrya 2011 g.) [Proceedings of the Twelfth International Readings, dedicated to the memory of L.S. Vygotsky "Sign as psychological means: subjective reality of culture"]. Moscow: Publ. Izdatel'skii tsentr RGGU, 2011. pp. 65–66.